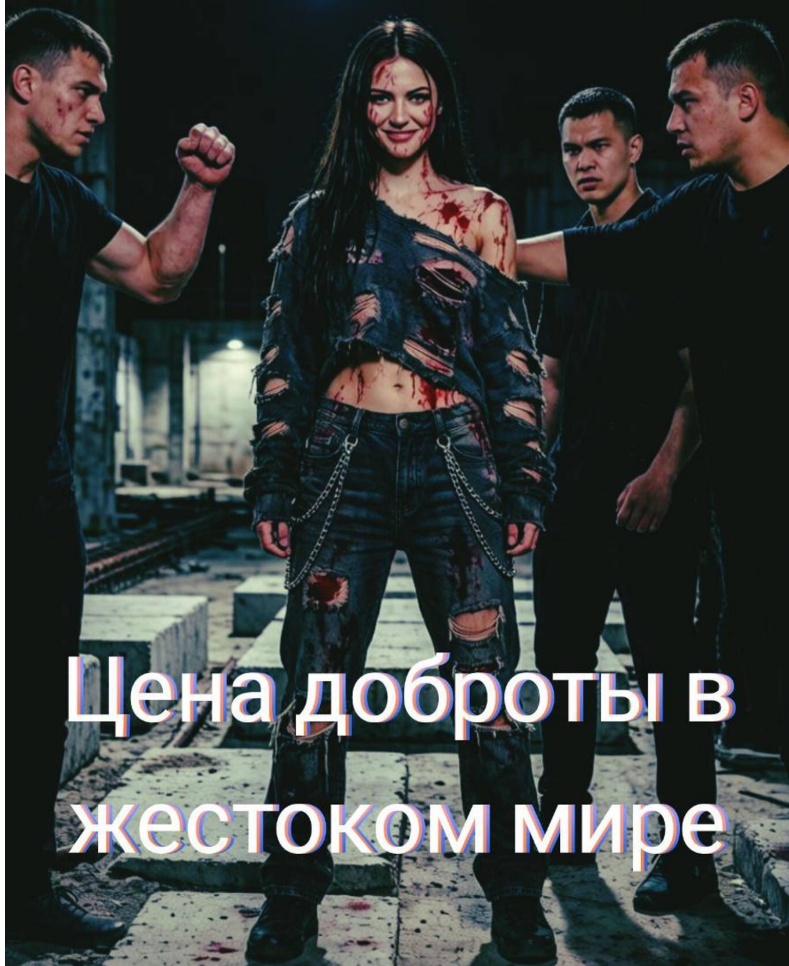

Анна SunRise

Цена доброты в
жестоким мире

Анна SunRise

Цена доброты в жестоком мире

<https://litres.ru/74103581>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как остаться человеком после буллинга, ухода отца и потерь

В жизни каждого из нас могут случиться тяжёлые события: буллинг, уход отца, потери. Важно помнить, что жизнь может быть жестокой, и не всегда стоит слепо верить людям. Да, есть добрые люди, но чаще встречаются те, кто может причинить боль. Если с вами произошло что-то плохое, не бойтесь говорить об этом. Замалчивание может привести к серьёзным проблемам с психикой. Потери в жизни неизбежны, но важно не терять надежду и двигаться вперёд.

Боль, которую мы не можем отпустить, может преследовать нас всю жизнь. Но важно помнить, что справедливость должна быть восстановлена. Виновные должны понести наказание. Если мы прощаем обидчика и не отправляем его под суд, мы оставляем его безнаказанным. А он, возможно, будет жить припеваючи и рассказывать о своих «подвигах».

Поэтому не оставляйте безнаказанными тех, кто не раскается в своих поступках. Только так мы сможем защитить себя и других от несправедливости.

Хештеги: #SunRise

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна SunRise

Цена доброты в жестоком мире

Глава 1

«Мир до трещины»

У меня не было отца, но у меня был дедушка. Настоящий, живой, тёплый. Тот, кого я могла обнять, когда было страшно, и рассмешить, когда он притворялся строгим.

Он приезжал каждую пятницу — это был мой любимый день недели. Я ждала его с самого утра: выглядывала в окно, прислушивалась к звуку машины, а когда видела его силуэт — бежала навстречу, не дожидаясь, пока он откроет дверь подъезда.

Дедушка был предпринимателем до мозга костей. В нашей родной деревне у него был свой магазин — он сам управлял им, следил за порядком и знал каждого покупателя по имени. Магазин этот он с огромной любовью назвал в мою честь — «Анюта». Дедушка даже заказал специальную вывеску: на нежно-розовом фоне была нарисована рыжая девочка с веснушками, очень похожая на меня в детстве. Но его энергия не знала границ. Позже, вместе с друзьями и мо-

им дядей, дедушка начал строить что-то совершенно новое — уже в городе. Мы возводили не просто здание, а целый комплекс: просторный магазин, дом для семьи, летнюю кухню с настоящей русской баней. Это было воплощение нашей общей мечты, в которую он вкладывал всю свою душу.

Дядя тоже стал индивидуальным предпринимателем — дедушка научил его всему, что знал сам. Я гордилась ими обоими. Смотрела, как они обсуждают планы, считают что-то на бумажках, спорят, а потом смеются. И чувствовала: пока они рядом, всё будет хорошо.

Так было, пока я ходила в садик, а потом — в начальные классы школы. Это было время без тревог. Время, когда я знала:

°Если что-то случится — дедушка придумает, как исправить;

°Если будет страшно — он возьмёт за руку и скажет: «Не бойся, я здесь».

°Если я захочу научиться чему-то новому — он покажет, как это сделать.

Это было время, когда доброта казалась естественной частью мира. Потому что она шла от него — от человека, который был для меня всем.

Дедушка не просто приезжал — он устраивал для меня маленькие праздники. Каждую субботу мы отправлялись в город, и неважно, что у него были дела: закупка товара, встречи с партнёрами, проверки магазинов. Он всегда нахо-

дил время для чего-то волшебного.

Сначала — обязательные дела. Я сидела в машине и смотрела, как он загружает коробки, проверяет накладные. А потом наступало самое интересное:

° Бухата. Мы шли к воде, собирали ракушки, кидали камушки в воду.

° Батут у «Детского мира». Он разрешал позвать подружек, и мы прыгали до головокружения, а он стоял внизу и смеялся вместе с нами.

° Озерки и бассейн. Когда я была маленькой, мы часто ездили купаться. Мне было года три. Дедушка держал меня на руках в воде, учил не бояться глубины, а после - заворачивал в большое полотенце и давал мороженое.

Однажды он привёз огромную песочницу и установил её прямо возле нашего многоквартирного дома. Эта песочница стала центром притяжения для всего двора.

А ещё были новогодние чудеса. Каждый год дедушка привозил ёлку, коробку с игрушками и мишурой. Мы с друзьями украшали её на площадке напротив дома — он помогал нам развешивать игрушки. В эти моменты я чувствовала себя частью чего-то большого и доброго.

Даже в садике я ощущала его поддержку. Бывало, разобью таз с кружками — коленки дрожали от страха, что сейчас будут ругать. Или случайно попаду мячом в лампу дневного света в спортивном зале. Но директор садика только качала головой и говорила:

- Ничего, не переживай. Мы не будем ничего говорить — дедушка и так помогает нам.

- Я поняла, спасибо!

Я знала: пока он рядом, всё будет хорошо. Его доброта была не просто словом — она проявлялась в делах, в готовности делиться временем, силами, радостью. И я училась у него этому: что можно делать мир чуть светлее, даже если у тебя полно своих забот.

А ещё в осознанном возрасте приходит горькое понимание: деньги решают всё. Чтобы выжить в этом мире, мне нужно было быть не просто девочкой из хорошей семьи, а настоящей хулиганкой. Ведь именно из таких детей — богатых и своенравных — обычно и вырастают бунтари с платиновой картой, для которых закон не писан.

Я не знала тогда, что эти субботы не навсегда. Что однажды серебристо-жёлтый Nissan Atlas моего дедушки не подъедет к дому в привычное время, а в календаре не останется отмеченных красным пятниц и суббот. Но я точно знала одно: пока он рядом, я в безопасности. И этого чувства мне будет не хватать больше всего

Глава 2

«Когда рядом нет дедушки»

Дедушка приезжал в пятницу вечером, и дом сразу наполнился теплом. В субботу мы отправлялись в город.

°батут у "Детского мира"

°бухта с ракушками.

Мороженое после бассейна.

Дедушка умел превратить обычный день в приключение.

А в воскресенье он уезжал. И мир снова становился другим — тихим, будничным, будто кто-то приглушил звук.

Мама не гуляла со мной. Когда я подходила и говорила: «Пошли погуляем?», она отвечала коротко: «Денег нет». И я шла на площадку с друзьями — прыгать через скакалку, качаться на качелях, строить домики из песка. А мама в это время либо спала, либо стояла у плиты.

Однажды она приготовила плов — ароматный, золотистый. Но я почуяла запах зиры и сморщила нос.

- не хочу, - сказала я.

- Не хочешь — не ешь, - отрезала мама. - Другие дети и такому рады.

Я села за стол, ковыряя вилкой рис. Хотелось сказать: «А можно без зиры?» Но знала — это прозвучит как каприз. Лучше промолчать.

В редкие выходные, когда дедушка уже уехал, а мама была дома, я забиралась с ногами на диван и смотрела на её книжные полки, заставленные «Санто-Барбарой» и, кажется, «Коменской».

В будни всё шло по расписанию:

°Садик — меня забирали либо няни, либо мой дядя.

°Школа — после уроков мы с подружками шли к ним домой, там мы делали письменные задания, учили стихотворения, шептались о чём-то своём, кушали печенье, которое пекла их мама, а те пельмени с сюрпризом — ммм.

Я не обижалась. Просто привыкла, что забота — это не всегда мама. Это тётя Ира, которая так вкусно готовила. Это дядя, который забирал меня, и мы ходили гулять, а потом играли с ним в компьютерные игры и смотрели фильмы.

Иногда, глядя, как другие дети держатся за мамину руку, я думала: «А если бы она хоть раз взяла меня за руку и повела гулять. Просто так, без денег, без повода...?»

И тогда я вспомнила дедушку — как он смеялся, когда мы ездили в город. И мне становилось чуть легче. Будто его тепло оставалось со мной, даже когда он уезжал.

Дедушка никогда не ругал меня за те самые «косяки», из-за которых мама сердилась.

Однажды я загулялась с друзьями до темноты. Мама уже

металась по дому, кричала. А дедушка просто надел куртку и вышел на улицу. Он не кричал, не угрожал — он знал, где меня найти.

Я увидела его издалека: он стоял у качелей, смотрел, как мы с ребятами играем в прятки при свете фонаря. Подошёл спокойно улыбнулся:

- Ну что, маленькая исследовательница, пора домой?

- Ты не будешь ругаться?

- за что?

- не знаю.

Дедушка взъерошил мне волосы.

— За то, что тебе весело? Нет. Но мама волнуется. Пойдём?

- Пойдём, дедуль.

Именно тогда я поняла разницу: мама видела в моих поступках вину, а дедушка — причину.

И я знала: даже если мама рассердится, дедушка всё равно будет на моей стороне. Он не оправдывал проступки, но

всегда давал понять: «Я тебя люблю. Ты хорошая. Просто иногда ошибаешься».

Это было самое важное: в мире, где одни видели во мне проблему, другой видел человека. И благодаря бабушке я научилась видеть человека в себе.

Глава 3

<<Дорога в никуда или дорога вперёд>>

«ДОРОГА В НИКУДА ИЛИ
ДОРОГА ВПЕРЁД»

Я была маленькой, когда меня ждал неожиданный поворот, который перевернул мою маленькую жизнь.

Тот день начинался как самый обычный — будто кто-то специально замаскировал его под спокойный, чтобы удар получился сильнее.

Когда утром я собиралась в школу, всё шло как обычно: рюкзак собран, кроссовки зашнурованы. После уроков меня ждал хип-хоп — я так ждала эту тренировку, что даже двойка по математике не могла испортить настроение: на танцполе я становилась другой — смелой, свободной, будто все чужие взгляды и колкие слова просто стекали с меня, как вода.

Мама с утра сказала строго:

- После школы сразу домой. Ни на пять минут никуда, поняла?!

- Поняла!

Я насторожилась — в её голосе было что-то такое, от чего внутри ёкало, но я, как послушный ребёнок, только кивнула. В голове крутилось: может, сюрприз? Может, купили что-то, о чём я давно просила?

Я шла из школы привычной дорогой, поглядывая на часы: если бы не мамин запрет, я бы забежала к подружке, но я шла прямо домой, ускоряя шаг, будто, если приду быстрее, то эта непонятная тревога рассеется сама собой.

Ключ повернулся в замке, дверь открылась, и я шагнула в прихожую, ожидая увидеть маму у плиты, услышать «Раздевайся, сейчас суп налью», но, подняв глаза, я обомлела. В углу, рядом с вешалкой, стояла бабушка. Та самая, которая должна была быть сейчас с дедушкой в деревне, где у них магазин. Её место было там, в том спокойном, далёком мире, где ничего не рушится за один день. А она стояла здесь, в прихожей, бледная, с крепко сжатыми губами, и смотрела на меня так, будто боялась, что я рассыплюсь от одного её взгляда.

Рядом был дядя, мама и её подруга тётя Таня — все будто сбились в одну напряжённую группу, как люди, которые держатся вместе, потому что поодиночке страшно.

Я не могла выговорить ни слова. Ноги будто налились свинцом, и я просто стояла, переводя взгляд с одного лица на другое, надеясь, что кто-нибудь сейчас рассмеётся и скажет: «Ну что ты, мы просто вещи перевезли, шутка такая». Но никто не смеялся.

Дрожащими пальцами я стянула куртку, повесила её на крючок, который вдруг показался мне чужим, и прошла на кухню. Там, прямо посередине стола, лежала записка. Обычная тетрадная страница, сложенная вдвое, но от неё веяло чем-то окончательным, как от билета в один конец.

Я подошла ближе, пальцы скользнули по бумаге, и я развернула её. Буквы прыгали перед глазами, но смысл проби- вался сквозь слёзы, острый и безжалостный: «Папа, мы уле-

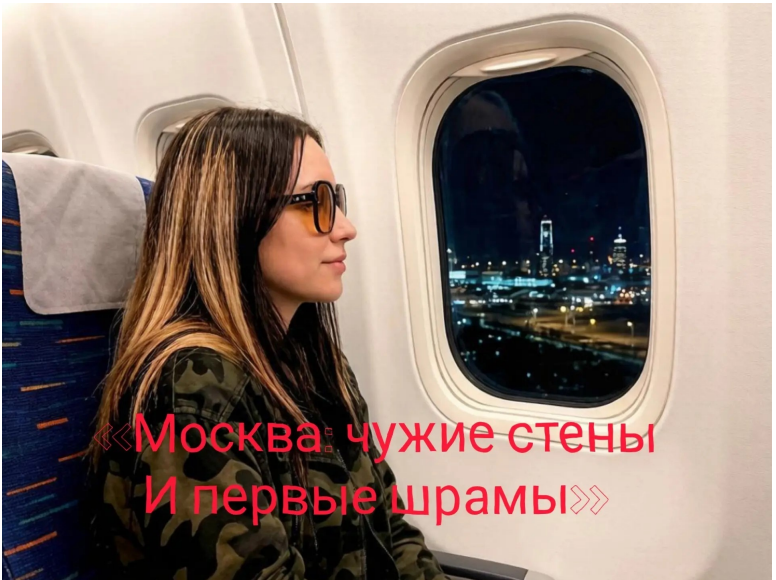
таем навсегда. Нас не ищи».

Меня кинуло в дрожь. Мир, который ещё час назад был нормальным — школа, рюкзак, мысли о том, что после всего этого я наконец пойду на хип-хоп, где пол будет вибрировать от басов, а я смогу просто двигаться, забывая обо всём, — вдруг треснул по швам, и за одну минуту в голове пронеслась вся моя жизнь. Друзья, бабушка, школа, кружки... Что теперь будет со всем этим?

А потом мы уже мчались в аэропорт. В машине никто почти не говорил, только шуршали пакеты да тикали секунды. И там, среди гула объявлений и чужих чемоданов, я узнала: мы летим в Москву. У мамы там, как оказалось, был молодой человек — о нём она мне никогда не рассказывала.

Я смотрела в окно на удаляющийся город и пыталась удерживать в памяти каждую мелочь: наш подъезд, лавку у дома, будто, если запомню всё до последней детали, смогу потом собрать из этого свой прежний мир. Но он уже ускользал, рассыпался, как песок сквозь пальцы.

Глава 4

"Москва: чужие стены и первые шрамы"

Ещё в самолёте мама показывала мне фотографии своего ухажёра и всё повторяла: «Он хороший, правда, ты увидишь». В её глазах светилась такая надежда, что мне даже неловко было хмуриться, и я кивала, будто и правда верила. А сама смотрела в иллюминатор на огни Москвы, которые тянулись вниз бесконечными нитками света, и чувствовала,

как внутри всё сжимается от непонятного страха — будто этот город заранее не хотел меня принимать.

Мы заселились в гостиницу — тесную, пахнущую чужим бытом, с жёсткими подушками и скрипучей кроватью; я лежала и слушала, как за стеной кто-то ходит, и думала, что даже стены здесь чужие. На следующее утро мы поехали смотреть однокомнатную квартиру в девятиэтажном доме: маленькая кухня, окно во двор, лифт, который вздыхал на каждом этаже, — и мама радостно говорила, что это наш новый старт, будто сама эта «однушка» могла всё исправить.

Однажды вечером мы пошли в магазин вместе с маминым ухажёром. Он шагал так быстро, будто хотел убежать от нас, а мы с мамой едва успевали, переходя с шага на лёгкий бег. Его молчание и эта спешка пугали куда сильнее любых слов: я не понимала, что сделала не так, почему он даже не оборачивается, будто нас и нет рядом.

Единственным светлым пятном в этой неловкости оказалось то, что его мама работала директором школы, в которую мне предстояло пойти. Я цеплялась за эту мысль, как за маленький шанс: если директор — родственница, может, там будет хоть чуточку проще, хоть кто-то будет на моей стороне.

И поначалу школа действительно не казалась совсем уж враждебной: я познакомилась с девочкой по имени Татьяна. Она с такой готовностью предложила провожать меня домой — ведь я совсем не знала дороги, — что от её простоты становилось чуть теплее на душе.

Правда, порядки в школе были строгие: стоило забыть дневник — и тебя тут же отправляли обратно. А темнело в те дни быстро, кажется, уже часа в четыре небо становилось тёмно-серым, и дорога домой в сумерках казалась особенно длинной. Но рядом была Татьяна, и пока она шла рядом, рассказывая про учителей и про то, где лучше не задерживаться после уроков, я почти не замечала холода и чужих окон, горящих в домах.

На уроке литературы нам задали выучить наизусть стихотворение Сергея Есенина на выбор. В тот момент я как раз смотрела какой-то фильм на DVD, и у меня была привычка подражать талантливым людям — я будто примеряла на себя их голос, их интонацию, и это помогало мне почувствовать себя смелее. Дрожа от страха, я всё-таки решилась и рассказала «Исповедь хулигана». Алина Сергеевна, наша учительница литературы, посмотрела на меня с таким восхищением, что в классе стало тихо. Она встала и сказала: «Смотрите, ребята, вот так нужно учиться!» И хоть в журнал нельзя было поставить три плюса, в дневнике у меня появилась пятёрка с тремя плюсами.

И именно с этого момента всё изменилось. Девочки в классе, включая Таню, которая ещё вчера так охотно провожала меня домой, будто вдруг увидели во мне что-то неправильное — то ли зависть кольнула, то ли им стало стыдно, что сами не решились. Теперь в коридорах звучал уже не просто шёпот, а прямые колкости, а в их взглядах не оста-

лось ни капли прежней доброты. Оказалось, что один редкий момент признания может не спасти, а, наоборот, сделать тебя заметнее для чужой жестокости.

В тот вечер, когда я пришла из школы, дома было почти уютно: мама с мужчиной сидели за столом, тихо разговаривали и пили чай, а на плите доходили большие макароны с языком. Пахло так вкусно, что на секунду показалось: может, у нас всё-таки получится стать нормальной семьёй. Я села делать уроки, стараясь не мешать, но вдруг услышала голос девушки из телефонного разговора — он доносился так чётко, будто она стояла совсем рядом. И тут до меня дошло: она и правда была рядом. Она стояла в падике и, видимо, следила за ним.

Когда мама с тем мужчиной вышли в прихожую, я тихо сказала: «Девушка, с которой вы сейчас говорили по телефону, стоит прямо за дверью. Я её слышала». Не знаю, поверили ли они мне сразу или решили просто проверить. Но когда открыли дверь, на пороге действительно стояла она — и рядом с ней ребёнок. Тайна несостоявшегося отчима раскрылась не в каком-то драматичном признании, а вот так, буднично и холодно, прямо в нашей прихожей.

Мы пробыли в Москве недолго — не потому, что город был плохим, а потому, что он слишком громко напоминал, как легко рушатся чужие надежды и как тяжело нести эту тяжесть, когда ты и так еле стоишь на ногах.

После этого мужчина всеми силами пытался вернуть ма-

му: звонил, приезжал, говорил, что всё объяснит, что это недоразумение. Дошло до того, что нам даже не хотели отдавать документы — будто если задержать нас хоть на день, всё как-то само собой исправится. А в школе тем временем всё перевернулось с ног на голову: ребята, которые ещё недавно отворачивались, вдруг стали ко мне добры. Мальчишки, с которыми я подружилась с первых дней, совсем не хотели, чтобы я улетала. Они подходили, обещали писать, просили номер телефона, а кто-то даже сунул в рюкзак записку: «Ты нормальная, не забывай». И от этой простой фразы стало теплее, будто в этом городе всё-таки осталось что-то хорошее.

А потом случилось то, чего я совсем не ждала. За нами прилетела бабушка. И, несмотря на то что по прилёте мама твёрдо сказала: «Билет был в один конец», теперь эти слова будто потеряли силу. Мы снова садились в самолёт, и я смотрела в окно уже без прежнего страха. Да, Москва не стала домом, но сейчас это перестало казаться концом света. Я была счастлива: мы возвращались к себе, туда, где всё знакомо, где есть родные, где можно снова дышать спокойно. И пусть впереди ещё будут разговоры и объяснения, сейчас главное было одно — мы уезжали.

Глава 5

"Старая школа, новые раны"

СТАРАЯ ШКОЛА НОВЫЕ

РАНЫ

И вот вроде бы всё должно было наладиться — мы прилетели домой. Сначала мы сняли квартиру прямо по соседству с моим дядей, и от этого становилось как-то спокойнее: буд-то рядом есть кто-то свой, кто не даст пропасть. Каждый вечер, когда я возвращалась из школы и справлялась с уроками, мы с дядей садились играть в компьютер или смотрели фильмы.

В эти часы тоска немного отступала, и мир казался чуть добрее. Но стоило остаться одной, как на грудь снова ложилась тяжесть: я скучала по бабушке так, что даже дышать становилось тяжело. Я ведь не была виновата в том, что в семье всё так сломалось.

А потом до меня доходили обрывки разговоров, и от них становилось только хуже. Бабушка в итоге развелась с бабушкой и продала всё, что он строил годами, — и магазин, и тот самый дом, баню и летнюю кухню. Говорили, что за бесценок, и мне казалось, что это не просто неудачная сделка, а будто кто-то специально стирал из жизни бабушкину историю. И как-то особенно несправедливым выглядело то, что следом мама купила двухкомнатную квартиру — пусть и в захолустье, пусть и не в самом лучшем районе, — а бабушка тоже взяла двушку, но уже в районе аэропорта. Словно всё вокруг быстро расставили по новым полкам, а меня забыли спросить, куда положить моё «я скучаю».

Мы переехали со съёмного жилья в эту двухкомнатную

квартиру — холодную, с печным отоплением, от которого пахло чем-то старым и горьким. Казалось, будто мы провалялись в какое-то совковое поколение: скрипучие полы, окна, заклеенные по углам скотчем, и вечная борьба с сыростью. Рядом с домом стояла стройка, поначалу она не казалась злобещей — просто полуразрушенное двухэтажное здание с подвальным помещением, где ветер гудел, как чужой голос. Я даже думала, что со временем привыкну к этому пейзажу, что он станет просто фоном.

А потом пришёл ещё один удар — резкий, без предупреждения. Мама поставила меня перед фактом: она нашла мужчину и уходит жить к нему. «Не переживай, — сказала она, будто это могло всё исправить, — с тобой будут бабушка и дядя». Я застыла, переваривая эти слова. От мысли, что рядом будет дядя, внутри что-то тихо обрадовалось — с ним хотя бы можно было выдохнуть. Но бабушка. С ней было не просто тяжело — рядом с ней воздух будто становился гуще, каждый вздох давался с трудом. Жить под одной крышей с этим человеком казалось испытанием похлеще школьных коридоров, где каждый взгляд был колючим, а каждое слово — как брошенный камень.

И вот я стояла посреди этой холодной комнаты, смотрела на голые стены и думала: сколько ещё раз жизнь будет переставлять мебель в моей судьбе, не спрашивая, куда мне хочется поставить самое хрупкое — моё спокойствие?

Со временем в квартире сделали ремонт — стены покры-

ли красивыми обоями, на пол постелили ДСП, выровняли, окна заменили на пластиковые. Но сырость никуда не ушла: она пряталась в углах, проступала белёсым налётом по утрам и цеплялась к одежде, будто дом не хотел расставаться со своей старой, тяжёлой историей. Дом и правда был аварийным — это чувствовалось в каждой скрипе половиц, в том, как дрожали стёкла, когда мимо проезжал грузовик, в едва заметных трещинах, которые тянулись по стенам, словно молчаливые шрамы. В один из дней я пришла со школы, усталая и злая после очередного коридора, где кто-то нарочно задел меня плечом, а в квартире было непривычно тихо. Потом из душевой вышла мама — с полотенцем на плечах, с мокрыми волосами, и сказала будничным тоном, от которого внутри всё сжалось: «Нам нужно поговорить». Она задала один-единственный вопрос, будто проверяя, выдержит ли он вес всей моей жизни: «Тебе нравится человек, с которым я живу? И нормально ли будет, если мы переедем и будем жить вместе с тобой?» Она смотрела на меня так, будто от моего ответа зависело что-то очень важное, а я стояла и не знала, что сказать. Дядя переедет к себе, бабушка — к себе, а я останусь здесь, в этой холодной квартире, но уже не одна, а с очередным «почти отчимом», который решит, что теперь он имеет право что-то мне советовать. Я мысленно хмыкнула: очередной псевдо отчим, очередная попытка собрать семью из чужих друг другу людей. И вдруг поняла, что готова согласиться на что угодно — хоть на незнакомца в сосед-

ней комнате, хоть на вечные споры за ужином, — лишь бы не жить с бабушкой. Надоело каждый вечер выслушивать её нравоучения: с кем я должна дружить, как себя вести, что у мужчины обязательно должна быть квартира, а лучше ещё и машина. Эти фразы звучали как заезженная пластинка, царапая и без того истерзанную душу.— Ну, если тебе с ним хорошо — пробормотала я, глядя куда-то в сторону, на ту самую трещину над дверью, которая с каждым днём становилась чуть длиннее. Мама выдохнула, будто только сейчас позволила себе поверить, что всё может получиться. А я стояла и думала: сколько ещё раз мне придётся кивать, соглашаясь на перемены, которые никто не спрашивает, хочу ли я их на самом деле?

Всё поднадоело. Каждый день сливался в один бесконечный серый коридор, где любое движение давалось с трудом. С дедушкой мне общаться не разрешали, и от этой несправедливости внутри всё сжималось до острой колючей боли: я ведь ничего не сделала, просто хотела слышать его голос, слушать, как он рассказывает про магазин, про старые времена, про то, что «всё наладится». Но даже это у меня забрали. В школе каждый день был испытанием. Стоило только войти в двери, как воздух будто становился тяжелее. Насмешки из-за фамилии сыпались, как мелкие камешки, — бессмысленные, злые, и от них не было спасения. «Ну в чём я виновата?» — крутилось в голове, но никто не собирался этого слышать. А ещё веснушки. Для кого-то это просто

пятнышки на коже, а для них — повод хихикнуть, переглянуться, ткнуть пальцем. И вишенка на торте — проблемы с кожей. Прыщи появлялись от нервов, а я, сама того не замечая, от постоянного напряжения расчёсывала их до болячек, и становилось только хуже. Каждый взгляд в зеркало будто добавлял ещё одну невидимую трещину.

Я старалась держаться ровно, не показывать, как внутри всё дрожит. В такие моменты особенно хотелось просто оказаться рядом с дядей, сесть за компьютер, уйти в игру, где нет ни насмешек, ни нравоучений, ни тяжёлых разговоров. Но стоило выйти из этого маленького укрытия — и реальность снова наваливалась всей своей тяжестью. А самое страшное было в том, что, оглядываясь по сторонам, я чувствовала: весь этот ужас — ещё не конец. Он только начался.

Глава 6

«Тайные встречи»

Тот день начинался так, будто кто-то специально вылил на

мир самое яркое солнце. Тёплый ветер, запах дыма от углей, смех, разговоры — всё было таким обычным, таким живым, что казалось, будто все беды остались где-то в другой реальности. Мы выбрались на природу, жарили шашлыки.

У моего дяди была девушка, а у неё — сестра, с которой встречался мой второй дядя. Вся эта путаница родственных связей в тот день почему-то казалась мне чем-то правильным: будто мы всё-таки семья, пусть и собранная из разных кусочков. И вот среди этого обычного летнего счастья девушка дяди вдруг наклонилась ко мне и тихо спросила:

— *Хочешь поговорить с дедушкой?*

Я просто обалдела. На секунду даже перестала дышать.

— *Конечно, хочу!* — *выпалила я, и голос мой дрожал от радости.*

Она протянула мне телефон, и в этом жесте было столько тепла, что хотелось плакать прямо там, у мангала, под взглядами всех остальных, которые даже не понимали, что для меня это не просто звонок, а целая вселенная, которую мне наконец-то вернули.

Мы с дедушкой говорили долго. Рассказывали друг другу всё подряд: про мелочи, про то, что накопилось, про то, как каждый день тянулся без другого. И плакали. Не стыдясь, не пряча лица. Просто потому, что столько всего наболело. В тот момент я была благодарна этой девушке так, как, наверное, не благодарила никого в жизни.

Потом дедушка стал помогать по-своему: дарил мне те-

лефон, привозил вещи, передавал деньги на одежду. Дядя прикрывал: говорил маме, что это он мне покупает. А моя подруга Она вообще стала моим щитом. Согласилась говорить, что вещи и телефон — от неё. Я до сих пор помню, как она просто пожала плечами и сказала: «Да ладно, не парься. Всё будет нормально». И от этого простого «не парься» становилось чуть легче дышать. Мы так и жили: тайные звонки, спрятанные подарки, разговоры шёпотом, будто сами слова могли нас выдать. И я цеплялась за это, как за спасательный круг.

А потом пришёл тот самый нож в спину. Человек, которому я доверяла как себе, всё рассказал. Я просила: «Ни за что не говори маме». Но он сказал. Или не удержался, или не понял, насколько это для меня важно — теперь уже не имело значения. Мама позвала меня на кухню. Там уже сидели она и отчим. Их позы были напряжёнными, лица — жёсткими. И этот вопрос, брошенный, как камень:

— *С каким это дедом ты там общаешься?*

В ту секунду в голове мелькнуло только одно: нужно защищаться. И я выпалила первое, что пришло в голову, глядя прямо перед собой с такой уверенностью, будто сама верила в свои слова:

— *С дедушкой по отцовской линии.*

Мама знала, что я искала отца и нашла его. И эта ложь повисла в воздухе, тяжёлая и горькая, но она хотя бы давала мне крошечную отсрочку. Снова начались запреты. Ко мне

стали относиться настороженно, будто я теперь не дочь, а кто-то подозрительный, опасный. Телефон отобрали. А бабушка вообще заговорила про милицию, про статью «развращение малолетних», про то, что заявит на дедушку. И ещё — про психоневрологический диспансер. Мол, я невменяемая, со мной что-то не так.

Меня повели к врачам. Я пыталась всё объяснить, говорила быстро, сбивчиво, отчаянно, потому что понимала: если они мне не поверят, меня просто запрут там, где я окончательно потеряю связь с дедушкой. А врачи? Они просто переглянулись, и один из них спокойно сказал:

— *Тут ещё посмотреть нужно, кого лечить надо.*

И в этих словах было столько тихой справедливости, что у меня внутри что-то чуть-чуть выпрямилось. Не победа, нет. Но хотя бы не полное поражение. Я вышла оттуда, сжимая кулаки, и пообещала себе: я не сдамся. Даже если придётся снова прятать звонки, снова придумывать легенды и снова благодарить тех, кто помогает мне оставаться собой.

Глава 7

«Чужая дочь в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.